

УДК 398.224(=1.470.6)
DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58365

Ф. М. Таказов
Владикавказский научный центр РАН

АРХЕТИП ОБРАЗА УРУЗМАГА В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

Аннотация. В статье на материале нартского эпоса осетин рассматривается образ Урузмага, выступающего во многих сюжетах главным героем. Образ Урузмага относится к старшему поколению нартских героев. Актуальность данного исследования заключается в сакральности рассматриваемого образа, выступающего центральной фигурой нартских сказаний осетин, выявление архетипа которого дает возможность представить целостную картину мифологической структуры эпоса. Научная новизна данной статьи состоит в том, что впервые предлагается изучение образа Урузмага в неразрывной связи с мифологической системой нартского эпоса. Целью и задачей исследования является выявление архетипа образа Урузмага и определение его роли в эпических сказаниях. Исследование проводится в рамках типологического и сравнительно-исторического метода с элементами структурного анализа. Архетип образа Урузмага восходит к образу мифологического царя/вождя. Многие сюжеты с главным героем Урузмагом отражают инициационные мотивы, в которых он выступает в роли иницианта. Особое внимание уделяется семиотическому анализу так называемого брака первопредков через инцест. Результаты исследования показали, что архетип образа Урузмага наглядно демонстрирует трехчастную структуру модели мира и способствует раскрытию мифологической системы нартского эпоса осетин. Автор приходит к выводу, что инициационные мифы, в которых инициантом выступает сам Урузмаг, демонстрируют о приобретении им статуса старшего/вождя/царя, он фактически является царем всего нартского общества. Урузмаг всегда проявляет свои лучшие качества мудреца и воина, тем самым подтверждая свой статус лидера, а в некоторых сюжетах выступает и как культурный герой. Преодолевая, в отличие от остальных нарт, различные испытания, он каждый раз выходит победителем, в результате чего нарты вынуждены признать его главенствующую роль. Таким образом, образ нартского Урузмага отражает архетип мифологического царя/вождя/старшего. Автор заключает, что изучение архетипа образа Урузмага требует дальнейшего, более углубленного и широкого исследования не только на основе нартского эпоса осетин, но и на основе эпических сказаний кавказских народов о нартах, что позволит выявить как национальное своеобразие рассматриваемого образа, так и общие его типологические черты.

Ключевые слова: эпос, сказания о нартах, Урузмаг, архетип, архетипический образ, инициации, инициант, мифология, трехчастная структура модели мира, мифологический царь, культурный герой, сакральный инцест.

F. M. Takazov

Archetype of Uruzmag image in the Narts epic of Ossetians

Abstract. The article considers the archetype of the image of Uruzmag in epic stories of Ossetians about Narts. The archetype of Uruzmag's image, which belongs to the older generation of Narts heroes, goes back to the image of a mythological king/leader. The relevance of this study lies in the sacrality of the image under consideration, which acts as the central figure of the Narts stories of Ossetians, the identification of the archetype of which gives an opportunity to present a holistic picture of the mythological structure of the epic. The scientific novelty of this

ТАКАЗОВ Федар Магометович – к. филол. н., зав. отделом фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук», Владикавказ, Россия.

E-mail: fedar@mail.ru

ТАКАЗОВ Федар Магометович – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore and Literature, V. I. Abayev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research – Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center “Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Vladikavkaz, Russia.

E-mail: fedar@mail.ru

article is that for the first time it is proposed to study the image of Uruzmag in an inextricable connection with the mythological system of the Narts epic. The aim and purpose of the study is to identify the archetype of Uruzmag's image and to determine its role in epic stories. The study is carried out within the framework of a typological and comparative-historical method with elements of structural analysis. The archetype of Uruzmag's image goes back to that of a mythological king/leader. Many of the stories with the main character Uruzmag reflect the initiation motives in which he acts as the initiator. Special attention is paid to the semiotic analysis of the so-called marriage of the primaries through incest. The results of the study showed that the archetype of Uruzmag's image clearly demonstrates the three-part structure of the world model and contributes to the discovery of the mythological system of the Narts epic of Ossetians. The author concludes that the initiation myths, in which Uruzmag himself is the initiator, demonstrate that he has acquired the status of senior/chief/king, he is in fact the king of the whole Narts society. Uruzmag always shows his best qualities as a wise man and warrior, thus confirming his status as a leader, and in some stories acts as a cultural hero. Overcoming, unlike the rest of the narts, various trials, he comes out the winner every time, as a result of which the narts are forced to recognize his dominant role. Thus, the image of Narts Uruzmag reflects the archetype of the mythological king/leader/elder. The author concludes that the study of the archetype of Uruzmag's image requires further, more in-depth and wide-ranging research not only on the basis of the Narts epic of Ossetians, but also on the basis of epic stories of the Caucasus peoples about narts, which will allow to reveal both the national specificity of the image under consideration and its general typological features.

Keywords: epic, narratives of Narts, Uruzmag, archetype, archetypal image, initiations, initiator, mythology, three-part structure of the world model, mythological king, cultural hero, sacral incest.

Введение

Образ Урузмага, как одного из главных героев нартовского эпоса осетин, играет огромную роль в понимании мифологической структуры осетинского эпоса. К образу Урузмага обращался В. И. Абаев, сравнивший мотив убийства Урузмагом своего безымянного сына с эпизодом убийства своего сына Рустамом в «Шахнаме» Фирдоуси. Этот же мотив В. И. Абаев находит и в цикле Ильи Муромца русского героического эпоса [1, с. 147]. Однако, кроме сопоставительного анализа В. И. Абаев не выдвигает никаких гипотез по семантике данного мотива. К образу Урузмага обращался и Т. А. Гуриев. Однако и он ограничился общей характеристикой образа нартовского героя [2, с. 22-24]. Более подробно образ Урузмага исследовал Ю. С. Гаглойты, проведший типологический анализ осетинского нартовского героя с национальными нартовскими вариантами народов Кавказа. Целью своего исследования при сопоставительном анализе образа Урузмага в национальных вариантах эпических сказаниях о нартах Ю. С. Гаглойты ставит доказательство первоначального зарождения образа в осетинской эпической традиции [3, с. 158-160]. С мифологической точки зрения образ Урузмага был проанализирован А. А. Туаллаговым, связавшим его образ с лесной хозяйкой, у которого проявляются черты скифских энареев [4, с. 176-177]. Однако все авторы, обратившиеся к образу Урузмага, рассматривали вне мифологической структуры нартовского эпоса. Научная новизна данной статьи состоит в том, что впервые предлагается рассматривать архетип образа Урузмага в неразрывной связи с мифологической системой нартовского эпоса.

Эпические сказания о нартах известны многим народам Кавказа – абхазам, адыгейцам, черкесам, абадзехам, кабардинцам, карачаевцам, балкарцам, осетинам и ингушам. Отдельные сюжеты и мотивы известны и другим народам Кавказа. В нартовском эпосе всех перечисленных народов просматриваются не только сходные сюжеты и мотивы, но и многие имена героев, как, впрочем, и совпадают их образы. Так, например, рассматриваемый персонаж осетинского нартовского эпоса Урузмаг, помимо того, что в самих осетинских текстах встречается в форме *Уырызмаг*, *Уорæзмаг*, в национальных вариантах бытует в форме *Уазырмаг*, *Урузмес* – у адыгов, *Урызмок*, *Орузмек* – у карачаевцев и балкарцев, *Урузман* – у ингушей, *Вардзмек* – у сванов.

Безусловно, нельзя не согласиться с В. И. Абаевым, рассматривавший имя *Урузмаг* как производное от древнеиранского обозначения кабана – *waraza* [5, с. 89-90], что дало ему повод рассматривать сюжеты с Урузмагом как тотемический миф. В то же время, ограничение образа Урузмага тотемическими мифами не дают возможность понять большинство мотивов, в которых ключевую роль играет Урузмаг. Сравнивая сюжет нартовского сказания, в котором Урузмаг

убивает своего безымянного сына, с сюжетом из «Шахнаме» Фирдоуси, в котором Рустам убивает своего сына Сухраба, В. И. Абаев проводит только типологическое сравнение, не проводя семиотический анализ мотива убийства сына.

Вне семиотического анализа остался архетип образа Урузмага и в исследованиях других авторов. В то же время, семиотический анализ мотивов, в которых главным героем выступает Нарт Урузмаг, дает возможность выявить архетип его образа. Выявление же архетипа образа Урузмага дает возможность расширить знания о мифологической структуре нартского эпоса.

Архетип мифологического царя в образе Урузмага

Урузмаг [*Урызмаг / Урузмаг, Уорæзмаг*] – один из главных героев нартских сказаний осетин, относящийся к старшему поколению Нартов. Муж нартской Сатаны, он выступает главным героем во многих сюжетах: «Как Урузмаг хитростью стал старше своего близнеца Хамица», «Как Урузмаг женился на Сатане», «Как Урузмаг и Сатана спасли нартвов от голодной смерти», «Как Урузмаг подтвердил статус лучшего из нартвов», «Как Урузмаг убил своего безымянного сына», «Как Урузмаг отомстил за своего сына», «Последний поход Урузмага», «Как Урузмаг убил своего зятя» и мн. др. [5, с. 111-499]. Однако Урузмаг выступает не только главным героем многих сюжетов эпических сказаний, но и является одним из действующих лиц в сюжетах, в которых главными героями выступают другие нартские персонажи.

В. И. Абаев утверждал, говоря о роли образа Сатаны в нартском эпосе, что нелегко представить нартских героев, даже главнейших, без Сатаны [1, с. 159]. Точно также невозможно представить нартские сказания без образа Урузмага. Неслучайно образ Урузмага представлен почти во всех национальных вариантах народов Кавказа, у которых бытуют нартские сказания: кабардино-черкесский Озырмег, Озермеш, Узырмеш, Урзамес; балкаро-карачаевский Урызбек, Орузмег; ингушский Урузман, Орзми и т. д.

Рис. 1. Нарт Урузмаг (Худ. М. С. Туганов, 1948 г.).

В генеалогии нартов Урузмаг является сыном Нарта Ахсартага и Дзерассы/Ацира, дочери Донбеттыра. От Ахсартага [*Æхсартаг*], как известно, ведет свое начало один из трех нартовских родов – Ахсартаговы [*Æхсартаггата*]. Одними из первых представителей рода Ахсартаговых являются Урузмаг и его близнец Хамиц.

Обращает на себя внимание тот факт, что родоначальниками рода Ахсартаговых – Ахсар и Ахсартаг, Урузмаг и Хамиц – являются близнецы. Близнецные мифы широко распространены в мифологии многих народов мира. Как правило, близнецы выступают в роли культурных героев [6, с. 174]. К мотивам, относящимся к мифам о культурных героях, примыкают сюжеты и о царе. Архетип мифологического царя воплощает в себе образ культурного героя, родоначальника, вождя [7, с. 614]. И в образе Урузмага просматриваются качества, присущие архетипу мифологического царя.

Однако сразу же возникает вопрос: почему в роли царя выступает один из героев второй пары близнецов, а не из первой, герой которой и стал родоначальником нартовского рода Ахсартагата. Ответ на данный вопрос лежит в структуре инициаций, когда иницилируемый, вынужденный пройти через смерть, дублируется другим героем – сыном или братом. Т. к. оба близнеца, Ахсар и Ахсартаг, погибают, то их должна продублировать следующая пара близнецов, состоящие в родстве с первой – Урузмаг и Хамиц, сыновья Ахсартага. В мифах близнецы часто рассматриваются как носители сверхъестественной силы, имеющие божественную природу [8, с. 7]. Мифологический царь также имеет божественное происхождение, который мыслится центром вселенной, осью мира [7, с. 614].

В инициационных близнецных мифах один из близнецов, как правило, становится старшим-вождем-царем. В образе старшего-вождя-царя в мифах проступает единство социального и космического, земного и сакрального. Мифический царь (старший, вождь) призван бывает поддерживать равновесие мира и удерживает страну (сообщество) от хаоса, воплощает плодородие.

Связь Урузмага и плодородия дал повод А. А. Туаллагову отождествить нартовского героя со скифскими энареями. Для подтверждения своей гипотезы он приводит пример из нартовского сюжета, в котором Урузмаг переодевается в женское платье и в таком виде проникает во время свадьбы в дом Бората. Совершает насилие над женщинами Бората [5, с. 174].

Только каким образом героя, совершившего насилие над женщинами, возможно отождествить с энареями. Этот мотив по своим характеристикам относится к инициационным мифам. Урузмаг как представитель рода Ахсартагата символизирует верхний мир. Род Бората отражают нижний мир. Но для того, чтобы попасть в нижний мир, по законам инициаций, необходимо символически умереть. Такой символической смертью может послужит переодевание. Соответственно, переодевание должно быть в женскую одежду, т. к. женщина, по религиозно-мифологическим представлениям осетин, относится к нижнему миру. Кроме того, в архаичных мифах свадьба равнозначна путешествию на тот свет, что также представляется как символическая смерть. Совершая же насилие над женщинами, происходит творение мира, наподобие того, как Уастырджи проникает в склеп Дзерассы и совершает насилие над ней, а в космогоническом же плане происходит творение мира [9, с. 116-117]. Поэтому маловероятным представляется связь образа Урузмага в приведенном А. А. Туаллаговым сюжете со скифскими энареями.

Исторические параллели, применяемые к эпическим героям, часто приводят к искаженному восприятию семантики мотива. Рассматривая эпический образ, необходимо, прежде всего, исходить из мифологической системы эпического нарратива.

Учитывая широкое распространение инициационных мотивов в нартовском эпосе осетин, необходимо рассматривать и архетип образа Урузмага в этом контексте [10, с. 155-160]. Урузмаг ведет себя в сказаниях как вождь. То, что нарты признают его за старшего, и на всех застольях, проводимых в доме Ацата/Алагата, представителей жреческого рода, всегда сидит за старшего, подтверждает его роль, как вождя/царя, т. к. в нарративных текстах старший соответствует вождю/царю.

Инициационная жертва Ахсара и Ахсартага манифестирует приход мифического царя. То, что у Ахсартага рождаются близнецы, лишний раз подтверждает рождение царя (старшего, вождя). При рождении божественных близнецов важен не образ, а контекст, в котором они действуют. В отличие от образа близнецов-братьев в большинстве мифологий народов мира, где

они выступают соперниками, и в которых, как правило, один из близнецов положительный герой, второй – отрицательный [6, с. 174], в нартовских сказаниях осетин это соперничество не столь выражено. И Ахсар, и Ахсартаг выступают как положительные герои. Различие между ними сводится к тому, что один из близнецов качественно превосходит второго. В самом начале жизни нет особых различий и между близнецами-братьями Урузмагом и Хамицем. Так кто же из них должен стать старшим-вождем-царем?

Необходимо уточнить, что в осетинских эпических сказаниях, по причине того, что в осетинском обществе не было царя, понятия «старший» и «вождь» соответствуют понятию «царь». Потому, если в нарративных эпических текстах встречается понятие «старший», то оно по своей символике и сакральности обозначает то же самое, что «царь» или «вождь».

Между близнецами-братьями Урузмагом и Хамицем произошел спор о старшинстве. Каждый из них считал себя старше. Не зная, кто из них старше, не могли и определиться, кому из них жениться первым. Чтоб разрешить спор, они решили обратиться к своей тете/сестре. По дороге Урузмаг попросил Хамица набрать сухой мягкой травы для стельки чувяков (в некоторых вариантах Хамиц сам предлагает собрать травы для стельки). Хамиц, набрав и для себя, и для брата, засунул собранную траву за луку седла. Когда же приехали к тете/сестре и сообщили ей о цели своего визита, она, недолго думая, ответила, что младшим является тот, у кого за лукой привязана сухая трава для чувяков [11, с. 21]. Сухая трава для чувяков (*фæсæл*) использовалась в быту осетин простолюдинами, потому и в нартском эпосе осетин она символизирует простолюдина, в силу чего Хамиц не мог претендовать на старшинство.

Таким образом, Урузмаг, благодаря своей уловке, стал старшим всего нартского рода, что подтверждается многими сюжетами: нарты оказывают ему положенные старшему почести, на нартовских пирах (*кувдах*) всегда сидит за старшего, во многих походах (*балцах*) выступает предводителем.

Однако для утверждения царем/вождем недостаточно стать старшим, необходимо еще совершить так называемый брак первопредков. Как известно, брак первопредков, сакрализующий мифического царя/вождя, становится возможен через инцест. При этом такие браки не обязательно могли существовать на практике, они могли быть просто мифами, иногда даже осуждаемыми [6, с. 545-546]. К таким осуждаемым в нартском эпосе мифом относится женитьба Урузмага на своей сестре Сатане.

Сатана, дочь Уастырджи и Дзерассы, приходится сестрой Урузмага по матери. Она живет в доме Урузмага и его жены Алди. Урузмаг должен был вернуться домой после годовичного похода. Сатана обманом добилась согласия Алди провести ночь с Урузмагом, которого напоила допьяна. Однако вместо одной ночи они провели три ночи. Закрыв все окна и развесив по потолку звезды, она каждый раз, как Урузмаг предпринимал попытку встать, убеждала его, что еще рано. Жена его Алди все это время от злости пила молочную сыворотку, пока она не лопнула. Только после этого Сатана открылась Урузмагу, заявив, что теперь она его жена [12, с. 51-52].

Безусловно, такой брак не могло приветствовать общество, что ставит его в разряд осуждаемого инцеста. И Урузмаг не смел показаться среди нарт, но Сатана придумала, каким образом помочь мужу преодолеть позор: вместе с мужем они сели голыми спиной друг к другу на осла и таким образом прокатились три дня по нартскому селу. Первый день над ними смеялось все селение, на второй день таких нашлось единицы, а на третий день на них уже никто не обратил внимание [11, с. 36].

Сакральный инцест распространен в мифологии многих народов. Близко к осетинскому мотиву женитьбы брата и сестры стоит индийский миф о любви Ями к собственному брату-близнецу Яме, изложенный в Ригведах. В Ригведах, как и в осетинских Нартах, сестра первая предложила своему брату любовь. Весьма показательно, что и в Ригведе инцест осуждается [13, с. 823]. В иранской мифологии осетинскому мотиву женитьбы брата и сестры соответствует авестийский культурный герой, легендарный царь, правивший в Арианам-вайдже, устроитель социальной организации общества Йима (в древнеперсидском – Йама), также женатый на собственной сестре Йимак [14, с. 529]. Аналогичный мотив инцеста был распространен и в мифологии народов Африки и Европы [15, с. 545].

Как и в осетинских нартах, в индийском мифе о Яме и Ями и славянском об Иване и Марье инициатива кровосмешения принадлежит сестре. Инициативу сестры в предложении инцеста В. В. Иванов и В. Н. Топоров объясняют тем, что женщина является носителем злого начала [14, с. 229]. В осетинской мифологии женщина соотносится с нижним миром. Т. к. нижний мир символизирует хаос и зло, то тезис В. В. Иванова и В. Н. Топорова о злом начале может относиться и к нартовской Сатане. Кроме того, согласно религиозно-мифологическим воззрениям осетин, именно нижний мир порождает все то, что появляется в среднем мире (мире людей). Хотя нижний мир порождает все хаотично, именно верхний мир упорядочивает этот хаос, в результате чего в среднем мире хаотичность превращается в упорядоченность и гармоничность.

Хотя в отличие от Ж. Дюмезиля и Вс. Миллера, рассматривавших брак Урузмага и Сатаны как бытовой мотив, В. И. Абаев рассматривает этот мотив как миф о первой человеческой/божественной паре [1, с. 163], однако не расшифровывает, в чем семантика этого мифа.

В. И. Абаев обратил внимание и на мотив убийства Урузмагом своего безымянного сына.

В сюжете «Поэма о том, как Урузмаг убил своего сына у Донбеттыров» («Уырызмаг йæхи лæппуйы куыд амардта Донбеттыртæм, уый кадæг») повествуется о наступлении голода среди нартов. От голода многие нарты лежали, исхудавши, на навозе, а собака Сырдона, издеваясь над ними, бегала меж ними: у кого вытаскивал лапти и съедал их, у кого ремень развязывал и тоже съедал. Увидев все это, Урузмаг вернулся домой подавленный.

Сатана, узнав, о чем так сильно сокрушается Урузмаг, предложила ему позвать всех нартов к себе домой и накормить. Он так и поступил. Голодные нарты от мала до велика пришли в дом Урузмага, а кто ходить уже не мог, того принесли на руках. Сатана накрыла столы и угощала голодных нартов три дня.

Рис. 2. Сатана и Урузмаг кормят нартов (Худ. М. С. Туганов, 1948 г.).

Через три дня Урузмаг вышел на улицу узнать, случайно никто не остался без угощения. В этот миг к нему спустился орел, схватил его и отнес к середине моря, где опустил его на камень посреди острова. Когда стемнело, под камнем открылась дверь, и оттуда раздался голос: «Гость, заходи в дом!».

Урузмаг спустился под камень и попал в дом невиданной красоты. Посадили его старшим за стол и стали его угощать. Урузмаг, как того требовал обычай, произнес тост-молитву, а когда

закончил молитву, нанизал на конец своего меча кусок мяса и протянул самому младшему из тех, кто там находился. Обычай нанизывать на конец меча/кинжала/ножа кусок мяса после первой молитвы в честь Бога сохранился до сих пор у осетин. Семантика этого обычая кроется в религиозно-мифологических воззрениях осетин, согласно которым, чтобы цель молитвы была завершена, необходимо младшему отведать кусок сакрального мяса. Если старший символизировал верхний мир, то младший – нижний мир. Поэтому, для завершения сакрального обряда, каковым являлась молитва старшего, необходимо замкнуть круг от старшего до младшего. На острие же меча/кинжала/ножа потому нанизывали, что меч/кинжал/нож символизировали Ось мира, которая соединяла все три мира. К нему подбежал мальчик, чтоб отведать кусочек мяса, но поскользнулся и ударился о меч. Меч вошел прямо в сердце.

Урузмаг был шокирован случившимся и даже не стал защищаться, когда все присутствующие стали избивать его из-за гибели мальчика. Он поднялся наружу из-под камня, сел на свое место и с печалью думал о произошедшем. С неба снова спустился орел, схватил Урузмага и опустил его возле дома. Урузмаг зашел домой, с печальным видом сел на стул, и рассказал Сатане о том, что случилось. Сатана вдруг зарыдала и заявила, что он убил собственного сына, которого она от него прятала у Донбеттыров [11, с. 233-235].

Рис. 3. Урузмаг на пиру у Донбеттыров (Худ. М. С. Туганов, 1948 г.).

Рассматривая приведенный сюжет, следует остановиться на тех символах, которые отражают инициационный переход в статус царя (старшего, вождя).

Для прохождения инициаций необходимо, прежде всего, присутствие всей символики трехчастной структуры мироздания. Голод, наступивший среди нартвов, служит началом инициационной практики. Инициантом, при этом, должен выступить тот герой, который позаботится о голодающих нартах. И этим героем выступает Урузмаг, продемонстрировавший готовность стать царем.

В нарративном тексте появление собаки Сырдона тоже не художественный прием, а символическое присутствие нижнего мира, т. к. собака со своим хозяином Сырдоном не только соотносится с нижним миром, но и живут, согласно нартовским сказаниям, под землей (или под мостом). Присутствие же нижнего мира в начале инициаций необходимо для внесения символического хаоса, т. е. все должно вернуться к началу миротворения.

То, что Сатана помогает Урузмагу накормить голодных нартов, также подтверждает инициационный характер сюжета, т. к. иницианту в течение всей инициационной практики помогает кто-то [16, с. 19].

Присутствие верхнего мира в сюжете отражает орел, переносящий Урузмага в середину моря. Орел в осетинской мифологии – символ Солнца, верхнего мира, зооморфический образ самого Бога.

Символы трех миров часто дублируются по несколько раз в одном сюжете. Продублированы и в рассматриваемом сюжете: вода (море) – символ нижнего мира, островок суши посреди моря – символ среднего мира, камень (на который орел опустил Урузмага) – символ верхнего мира.

Но для прохождения инициации Урузмагу необходимо пройти через нижний мир, что он и делает, спустившись под камень.

Застольная трапеза также демонстрирует символику трех миров, кроме того, трапеза еще соответствует миротворению.

Урузмаг, которого посадили во главе стола, уже выступает в роли старшего/вождя/царя. Но для того, чтобы стать полноценным царем, необходима жертва. В роли жертвы может выступить или сам царь, или его замена, в роли которого, как правило, выступает его сын – будущий царь. И в данном сюжете Урузмаг приносит в жертву вместо себя своего сына.

То, что орел снова поднимает его и возвращает домой, демонстрирует завершение инициационного пути и переход Урузмага в статус царя/вождя.

Почему царь приносит себя или сына в жертву? Потому что только царь отвечает за самого себя, и убийство сына в этом контексте является лишь заместительной жертвой.

Инициационный путь Урузмага для подтверждения статуса царя

Царь, даже мифологический, не бывает вечно избранным. Если он не может подтвердить свой статус, то через некоторое время его могут отстранить или даже убить. Подобный мотив характерен и нартовским сказаниям осетин.

Урузмаг состарился. Сидит он на *нихасе* (общественное место для собраний), возле навоза, в рваном тулупе. Нартовская молодежь проходит мимо него и подтрунивают над ним, мол, сколько этот старик может стоять. На что другие отвечают: вряд ли за него дадут даже стоимость курицы-наседки.

Слушает все это Урузмаг, и раздирает его злость. Вернувшись домой, он обратился к Хамицу и Сослану с просьбой, чтобы они зарезали самого крупного буйвола, освежевали его по подобию бурдюка, положили туда пищу и, чтобы его самого положили туда и бросили в воды большой реки.

Хамиц и Сослан так и поступили – бросили Урузмага в реку. Река его несла долгое время, наконец его прибило в одном месте к берегу.

В это время рыбаки князя Кафти-сар-Хуандон алдара (*Кæфти-сар-Хуандон-æлдар*) выловили Урузмага в море и привели его к своему князю.

Урузмаг прикинулся простым пастухом и попросил князя нанять его до ноября пастухом. Даже о плате не договорились: вначале, мол, испытайте меня.

Когда до конца договора осталась неделя, Урузмаг попросил кузнеца наточить его меч. Однако кузнецы стали передавать его меч друг другу: никто не хотел заниматься его мечом. Когда над ним стали откровенно насмехаться, он не выдержал, схватил свой меч и стал его точить. Разозлившись, он заявил, что они посмели насмехаться над нартовским Урузмагом, и разрубил их наковальню пополам, пригрозивши им, что так же расправится с их князем Кафти-сар-Хуандон-алдаром.

Кузнецы перепугались, сбежали и рассказали своему князю про Урузмага. Князь, перепугавшись, приказал накрыть богатый стол и пригласить Урузмага.

Урузмаг спросил князя, что тот ему заплатит за работу. Князь предложил: все, что захочет сам Урузмаг. Тогда Урузмаг отказался от платы, попросив только трех всадников, которых хочет послать к Хамицу и Сослану. Князь дал ему трех всадников. Урузмаг попросил их передать Хамицу и Сослану: сто по сто однорогих, сто по сто двурогих, сто по сто трирогих.

Всадники прибыли к нартам и передали слова Урузмага. Обрадовались, что он жив, однако не поняли смысл переданных слов. Только после того, как передали послание Урузмага Сатане, она расшифровала нартам их смысл: когда войско нартвов двинется на земли Кафти-сар-Хуандон-алдара, то, перейдя их границу, земля будет дрожать под копытами ваших коней, и эти трое посланцев захотят сбежать, и вы должны будете одному отрубить голову и положить на плечи другому – вот и будет вам двурогий; через некоторое время отрубите голову третьему и положите его голову на плечи оставшемуся – вот и будет вам трирогий, и лишь тогда он покажет вам дорогу.

Нартовское войско прибыло к Урузмагу и привело к нартам огромное количество скота. И снова стал Урузмаг среди нартвов самым почетным [11, с. 398-401]. Таким образом, Урузмаг проделывает инициационный путь для подтверждения своего статуса вождя/царя.

Для инициаций важна символическая смерть. В данном сюжете символическую смерть заменяет насмешка над Урузмагом, что одно и то же для вождя/царя. Символическую смерть также отражает шкура буйвола, внутри которой он заточен. Нижний мир, в который он должен спуститься для начала инициационного пути, отражает вода, в которую его бросают. Кроме того, когда Урузмага бросают в воду, это тождественно принесению царя в жертву в целях обновления мира, восстановления сил природы. И с окончанием инициационного пути Урузмаг не только восстанавливает силы, но и восстанавливает силы природы за счет приобретения бесчисленного множества скота.

В сюжете «Как нартты спорили, кто из них лучший» («*Нартæ æз-хуæздæронбæл куд дзурдтонца*») Урузмаг также вынужден доказывать свой статус вождя/царя.

Урузмаг находился в походе, когда оставшаяся молодежь стала спорить между собой, кто из них наилучший нарт. Не приходя к единому мнению, решили спросить ведунью. Та ответила, что наилучший из нартвов сейчас находится в походе. Поняв, кого она имела в виду, молодежь разозлилась и заставила ее собрать колючку и соорудить из них круговую стену. Загнали ведунью в круг и подожгли. Ведунье удалось сбежать и, зная, с какой стороны должен вернуться Урузмаг, отправилась ему навстречу. Повела она Урузмагу, как нартты с ней поступили за то, что она назвала его наилучшим. Нартты встретили Урузмага радостно, и он так же, не показав, что все знает, предложил молодежи отправиться с ним в набег. Молодежь согласилась. Урузмаг ехал впереди них. Вначале повел их через терновые колючки. Молодежь расцарапала до крови свои ноги, и они уже еле передвигались. Наконец они добрались до одной отары. Урузмаг попросил молодежь принести из этой отары барана для обеда. Однако молодежь с трудом принесла неказистого ягненка. Урузмаг второй раз отправил богатыря Сослана, но и ему не удалось поймать барана. Тогда Урузмаг отправился сам. Урузмагу к вечеру удалось схватить одного барана, но в это время вся отара направилась на свою стоянку в пещеру. Баран, которого схватил Урузмаг, поволок и его с собой в пещеру. В пещере его поймал великан, обрадовавшись, что его баран принес ему обед. Великан нанизал Урузмага на вертел, а сам заснул. В это время к Урузмагу обратился лежавший там череп и посоветовал, как ему избавиться от великана. Урузмагу удалось освободиться, он раскалил вертел и вонзил его меж глаз великана, ослепив его таким образом. Однако ослепший великан закрыл вход в пещеру, а овец стал выпускать на ощупь. Урузмаг зарезал козла-вожака, надел на себя его шкуру, и под видом козла-вожака вышел из пещеры впереди отары. Снаружи Урузмаг сбросил шкуру козла и крикнул великану, что он спасся. Великан выскочил из пещеры и упал со скалы. Урузмаг вернулся в пещеру и спросил череп, который дал ему совет, что хорошего есть в доме у великана. Череп ответил: войлочная плетка, которая оживляет мертвого при ударе, потом кусок сыромятной кожи, на которую что ни положишь, вмиг доставит, куда надо. Урузмаг оживил череп, забрал все имущество и отару великана, и вернулся с ними к нарттовской молодежи. Молодежь вынуждена была признать, что Урузмаг самый лучший из нартвов, и более не спорили об этом [11, с. 187-190].

Испытания, которым Урузмаг был подвергнут в пещере великана, и его облачение в шкуру козла показывают на инициационный характер сюжета, главным мотивом которого является подтверждение Урузмагом своего статуса вождя/царя, т. к. наилучшим среди народа бывает царь.

Добыча, которую нарты получили благодаря Урузмагу, характеризует его и как культурного героя, добывающего блага для своего народа.

В принципе, статус царя/вождя не противоречит статусу культурного героя, т. к. мифический царь одновременно выступает и в роли культурного героя.

Заключение

Инициационные мифы, в которых инициантом выступает Нарт Урузмаг, демонстрируют о приобретении Урузмагом статуса старшего/вождя/царя. Хотя в нарративных текстах не встречается термин «царь», а лишь «старший» (*хестæр*) или «вождь» (*раздзæуæг*), однако в мифологии эти термины равнозначны и взаимозаменяемы. Поэтому Урузмаг, называемый «старшим всех трех нартовских сел», фактически является царем всего нартовского общества. Отражением приобретения статуса царя Урузмагом выступает мотив женитьбы Урузмага на своей сестре Сатане, а также убийство Урузмагом своего безымянного сына. Кроме того, в голодное время именно Урузмаг сопереживает состоянию нартов и заботится о них.

В то же время, несмотря на статус старшего/вождя/царя, Урузмагу приходится периодически доказывать свой статус лидера. Преодолевая, в отличие от остальных нартов, различные испытания, он каждый раз выходит победителем, в результате чего нарты вынуждены бывают признать его главенствующую роль.

Таким образом, образ нартовского Урузмага отражает архетип мифологического царя/вождя/старшего.

Безусловно, изучение архетипа образа Урузмага требует дальнейшего, более углубленного и широкого исследования не только на основе нартовского эпоса осетин, но и на основе эпических сказаний кавказских народов о нартах, что позволит выявить как национальное своеобразие рассматриваемого образа, так и общие его типологические черты.

Литература

1. Абаев В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. – Владикавказ : Ир, 1990. – 640 с.
2. Гуриев Т. А. Проблемы нартиады. – Орджоникидзе : СОГУ, 1982. – 34 с.
3. Гаглойты Ю. С. Избранные труды. – Цхинвал : ППО РЮО, 2010. – 816 с.
4. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. – Владикавказ : СОГУ, 2001. – 315 с.
5. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. – Ленинград : Наука, 1989. – 328 с.
6. Мифы народов мира. Т. 1. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 671 с.
7. Мифы народов мира. Т. 2. – Москва : Советская энциклопедия, 1988. – 720 с.
8. Куприянова Е. В. Архетип «божественных близнецов» в мировой мифологии. Ч. 1. Происхождение образа // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2013. – Вып. 29, № 13 (304). – С. 7-10.
9. Таказов Ф. М. Мифологические архетипы Модели мира в осетинской космогонии. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ, 2014. – 214 с.
10. Таказов Ф. М. Признаки инициаций в нартовском эпосе осетин // Ростовский научный журнал. – 2017, № 12. – С. 155-160.
11. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 1. / сост. Т. А. Хамицаева. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ, 2003. – 592 с. (На осетинском яз.).
12. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке / сост. А. Я. Кибиров и Э. Б. Скودтаев. – Владикавказ : Ир, 2005. – 456 с. (На дигорском яз.).
13. Ригведа. Мандалы I-IV. – Москва : Наука, 1989. – 768 с.
14. Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – С. 527-533.

15. Левинтон Г. А. Инцест // Мифы народов мира. Т. 1. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – С. 545-547.

16. Элиаде М. Тайные общества : Обряды инициации и посвящения. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 356 с.

References

1. Abaev V. I. *Izbrannye trudy. Religiya, folklor, literatura* [Selected works. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, 640 p. (In Russ.).

2. Guriev T. A. *Problemy nartiady* [Nartiada problems]. Ordzhonikidze, SOGU, 1982, 34 p. (In Russ.).

3. Gaglojty Yu. S. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tskhinval, PPO RYUO, 2010, 816 p. (In Russ.).

4. Tuallagov A. A. *Skifo-sarmatskii mir i nartovskii epos osetin* [Scythian-Sarmatian world and Nart epic of Ossetians]. Vladikavkaz, SOGU, 2001, 315 p. (In Russ.).

5. Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. 4* [Historical and etymological dictionary of Ossetian language. Vol. 4]. Leningrad, Nauka, 1989, 328 p. (In Russ.).

6. *Mify narodov mira. T. 1* [Myths of people of the world. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1987, 671 p. (In Russ.).

7. *Mify narodov mira. T. 2* [Myths of people of the world. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1988, 720 p. (In Russ.).

8. Kupriyanova E. V. *Arkhetip "bozhestvennykh bliznecov" v mirovoi mifologii. Ch. 1. Proiskhozhdenie obraza* [Archetype of "divine twins" in world mythology. Part 1. Origin of the image]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural science]. 2013, iss. 29, No. 13 (304), pp. 7-10. (In Russ.).

9. Takazov F. M. *Mifologicheskie arkhetipy Modeli mira v osetinskoj kosmogonii* [Mythological archetypes models of peace in Ossetian cosmogony]. Vladikavkaz, IPC SOIGSI, 2014, 214 p. (In Russ.).

10. Takazov F. M. *Priznaki iniciacii v nartovskom epose osetin* [Signs of initiations in the Narts epic of Ossetians]. In: *Rostovskii nauchnyi zhurnal* [Rostov Scientific Journal]. 2017, No. 12, pp. 155-160. (In Russ.).

11. *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda. Kn. 1* [Narts stories. Epic of the Ossetian people. Book 1]. Sost. T. A. Khamicaeva. Vladikavkaz, IPC SOIGSI, 2003, 592 p. (In Ossetian).

12. *Narty. Mifologiya i epos na digorskom yazyke* [Narts. Mythology and epic in Digor]. Sost. A. Ya. Kibirov i E. B. Skodtaev. Vladikavkaz, Ir, 2005, 456 p. (In Digor).

13. *Rigveda. Mandal'y I-IV* [Rigveda. Mandalas I-IV]. Moscow, Nauka, 1989, 768 p. (In Russ.).

14. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Indoevropeskaya mifologiya* [Indo-European mythology]. In: *Mify narodov mira. T. 1* [Myths of the peoples of the world. Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 527-533. (In Russ.).

15. Levinton G. A. *Incest* [Incest]. In: *Mify narodov mira. T. 1* [Myths of the peoples of the world. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1991, pp. 545-547. (In Russ.).

16. Eliade M. *Tajnye obshchestva: Obryady iniciacii i posvyashcheniya* [Secret Societies: Rites of Initiation and Dedication]. Moscow, University book, 2002, 356 p. (In Russ.).